

HOOVER INSTITUTION
B. I. Nicolaevsky Collection

НОВОСЕЛЬЕ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
под редакцией С. ПРЕГЕЛЬ

№ 2.

МАРТ 1942

И. БУНИН.

Т Р И Р У Б Л Я

В тот летний вечер я приехал из деревни в город по железной дороге, часу в девятом. Было еще жарко, от туч сумрачно, надвигалась гроза. Когда я сел на извозчика, и он помчал меня, подымая пыль, от вокзала по темнеющему полю, сзади вдруг вспыхнуло, дорога впереди на мгновение озарилась золотом, где-то прокатился гром, и крупными звездами зашлепал по пыли и пролетке быстрый, редкий дождь, тотчас же прекратившийся. Потом пролетка, сорвавшись под изволок с мягкой дороги, задребезжала по каменному мосту через пересохшую речку. За мостом дико чернели и металлически пахли городские кузни. На дороге в гору горел запыленный керосиновый фонарь... Очень был грустный вечер, — темный степной вечер в глухом степном захолустье.

В гостинице Воробьева, лучшей в городе, мне, как всегда, отвели лучшую комнату, со спальней за перегородкой. Воздух в этой комнате с двумя закрытыми окнами за белыми коленкоровыми занавесками был горяч как в печи. Я приказал коридорному открыть окна настежь, принести самовар и поскорее подошел к окну: в комнате дышать было нечем. За окном уже

Новоселье

чернела темнота, в которой то и дело вспыхивали молнии, теперь уже голубые, и опять катился точно по ухабам гул грома. И, помню, я подумал: до того ничтожный городишко, что даже непонятно, зачем так грозно вспыхивает над ним этот великолепный голубой свет и так величественно грохочет мрачное невидимое небо. Я пошел за перегородку и, снимая с себя пиджак и развязывая галстук, услышал, как влетел с самоваром на подносе коридорный и стукнул в круглый стол перед диваном. Я выглянул: кроме самовара, полоскательницы, стакана и тарелки с булкой, на подносе была еще чашка.

— А чашка зачем? — спросил я.

Коридорный ответил шопотом, с веселыми глазами:

— Там вас одна барышня спрашивает, Борис Петрович.

— Какая барышня?

Коридорный пожал плечом и манерно усмехнулся:

— Понятно, какая. Очень просила впустить, обещала рубль на чай, если хорошо заработает. Видела, как вы под'ехали...

— Из уличных, значит?

— Ясное дело. Таких у нас что-то никогда заметно не было, приезжие обыкновенно за барышнями к Анне Матвеев-не посылают, а тут вдруг какая-то сама входит... Ростом замечательная и вроде гимназистки, Борис Петрович.

Я подумал о скучном вечере, который предстоял мне, и сказал:

— Это забавно. Впусти ее.

Коридорный радостно исчез. Я стал заваривать чай, но в дверь тотчас постучали, и я с удивлением увидал, как, не дожидаясь ответа, в комнату развязными шагами вошла рослая девушка в коричневом гимназическом платье и соломенной шляпке с пучком искусственных васильков сбоку, совсем не похожая на уличную.

— Вот шла и забрела на огонек к вам, — сказала она, неловко и насмешливо улыбаясь.

— Очень приятно, — ответил я весело. — Снимайте шляпку и присаживайтесь чай пить...

За окнами вспыхнуло уже фиолетово и совсем широко, гром прокатился где-то близко и предостерегающе, в комнату пахнуло ветром, и я поспешил затворить окна, обрадовавшись возможности скрыть свое смущение. Когда-же обернулся, она сидела на диване, сняв шляпку и закидывая назад стриженные волосы продолговатой загорелой рукой. Волосы у нее были густые, каштановые, лицо несколько широкоскулое, в веснушках, губы полные и сиреневые, глаза темные и безразличные. Я хотел шутливо извиниться, что я без пиджака и с раскрытым воротом рубашки, но она сухо посмотрела на меня и спросила:

— Вы хотите на всю ночь или по часам?

Я опять ответил с деланной безпечностью:

— Успеем еще сговориться! Выпьем прежде чайку.

— Нет, — сказала, она, хмурясь и отводя глаза, — я должна заранее знать условия. По часам я меньше трех рублей не беру.

— Три так три, — сказал я тем же тоном.

Вы шутите? — спросила она.

— Нисколько, — ответил я, думая: напою ее чаем, дам три рубля и выпровожу с Богом.

Она вздохнула и, закрыв глаза, откинула голову на отвал дивана. Я подумал, глядя на ее бескровные губы, что она, верно, голодна, подал ей чашку чаю и тарелку с булкой, сел на диван и тронул ее за руку:

— Кушайте, пожалуйста.

Она открыла глаза и молча стала пить и есть. Я пристально смотрел на ее загорелые руки и опущенные темные, сумрачные ресницы, думая, что дело все больше принимает глупый оборот, и, наконец, спросил:

— Вы здешняя?

Она помотала головой, запивая булку чаем:

— Нет, дальняя...

Новоселье

И опять замолчала. Потом стряхнула с колен крошки и вдруг встала, не глядя на меня:

— Ну, я пойду раздеваться, — сказала она строго.

Это было неожиданнее всего, я опешил:

— Куда?

— Затворите дверь на ключ и опустите шторы, — прибавила она повелительно.

И пошла за перегородку. Я с бессознательной покорностью опустил шторы, за которыми продолжали все шире сверкать молнии, будто стараясь поглубже и побыстрее заглянуть в комнату, и все настойчивее катились гулы грома, повернул в прихожей дверной ключ, не понимая, зачем я это делаю, и уже хотел было войти с притворным смехом за перегородку, перевести все в шутку или соврать, что у меня страшно заболела голова, но она громко сказала из-за перегородки:

— Идите...

И я опять бессознательно повиновался, вошел за перегородку и увидел ее уже в постели: она лежала, натянув одеяло до подбородка, широко смотрела на меня совсем темными глазами и сжимала постукивающие зубы. И в безпамятстве растерянности и страсти я дернул одеяло из ее рук, раскрыв все ее тело в одной коротенькой рубашке. Она едва успела поймать голой рукой деревянную грушу над изголовьем и потушить свет...

Потом я стоял возле раскрытого окна, жадно курил и слушал шум ливня, низвергавшегося в черном мраке на мергвый город вместе с ярким и быстрым трепетом фиолетовых молний и ударами грома, тупо думал: да, непонятное соединение — это жалкое захолустье и это божественно - грозное, грохочущее и слепящее величие, — и все больше дивился и ужасался: как же это я все-таки не понял до конца, с кем я имею дело, и почему она решилась продать за три рубля свою девственность! Она окликнула меня:

— Закройте окно и подите ко мне.

Я вернулся в темноте за перегородку, сел на постель и, найдя и целуя ее руку, стал говорить:

— Простите, простите меня...

Она стала бесстрастно спрашивать:

— Вы думали, что я не девушка? Что я настоящая проститутка, но только очень глупая или полусумасшедшая?

Я стал поспешно отвечать:

— Нет, нет, того, что вы девушка, мне все таки и в голову не приходило! Я только думал, что вы еще мало опытны, хотя уже знаете, что некоторые девицы в известных домах надевают гимназические платья.

— Зачем?

— Чтобы казаться невиннее, привлекательнее.

— Нет, я этого не знала. У меня просто нет другого платья. Я только нынешней весной кончила гимназию. Тут внезапно умер папа, — мама умерла давно, — и я из Новочеркасска приехала сюда, думала найти тут через одного нашего родственника какую-нибудь работу, остановилась у него, а он стал приставать ко мне, и я ударила его и целую неделю ночевала на скамейках в городском саду... Я думала, что умру, когда вошла к вам. А вы сочли меня за сумасшедшую, я это сразу поняла, и хотели как -нибудь отделаться от меня.

— Да, я попал в глупое положение, — сказал я. — Я согласился впустить вас просто так, от скуки, — я с проститутками никогда не имел дела.

— Да, я и это поняла.

— Я думал, что войдет какая-нибудь самая обыкновенная уличная девочка, и я угощу ее чаем, поболтаю, пошучу с ней, потом просто подарю ей два-три рубля...

— Да, а вместо этого вошла я. И почти до последней минуты старалась держать в голове одно: три рубля, три рубля. А вышло что-то совсем другое. А теперь я уже ничего не понимаю...

Ничего не понимал и я: темнота, шум ливня за окнами, возле меня лежит на постели какая-то новочеркасская гимна-

Новоселье

зистка, которой я до сих пор не знаю даже имени... эти чувства, что с каждой минутой все неудержимей растут во мне к ней... Я с трудом выговорил:

— Чего вы не понимаете?

Она не ответила. Я зажег свет и увидел ее неподвижные темные глаза, полные слезами. Она порывисто поднялась и, закусив губу, упала головой на плечо ко мне. Я откинул ее голову назад и стал целовать ее в искаженный и мокрый от слез рот, обнимая ее большое тело в спустившейся с грудей заношенной рубашке, упал на колени возле постели, целуя ее пропыленные ступни... Потом номер был полон сквозь опущенные шторы утренним солнцем, а мы все еще сидели и говорили на диване за круглым столом, — она с голоду допила холодный чай, оставшийся с вечера, и доела булку, — и все целовали друг другу руки, неловко улыбаясь сквозь счастливые слезы.

Она осталась в гостинице, я с'ездил в деревню и на другой день мы уехали с ней на Минеральные воды.

Осень мы хотели провести в Москве, но и осень и зиму провели в Ялте — она начала гореть и кашлять, в комнатах у нас запахло креозотом... А весной я схоронил ее.

Ялтинское кладбище на высоком холме. И с него далеко видно море, а из города—его кресты и памятники. И среди них верно, и теперь еще белеет мраморный крест над одной из самых дорогих мне могил. И я уже никогда больше не увижу его — Бог милосердно избавил меня от этого.

9.12.40.